

Дмитрий Бурый

Пространство Европы в системе взглядов «НОВЫХ правых»

Abstract.

В статье проанализированы взгляды основных представителей правых радикалов периода после Второй мировой войны на Европу и европейское пространство. Внимание уделяется концепциям Ю. Эвола, А. де Бенуа, Г. Фая, касающимся политической организации Европы и ее геополитического будущего. Определены принципиальные различия в понимании Европы идеологами крайне правых.

Ключевые слова: европейские «новые правые», правый радикализм, концепция Европы, Ю. Эвола, А. де Бенуа, Г. Фай, европейская интеграция.

Данный текст является введением в политические идеи новых правых после Второй мировой войны на примере Ю. Эвола, А. де Бенуа и Г. Фая. Именно после войны начинается период потери крайне правыми влияния на *realpolitik*, что, безусловно, подстегнуло их идеологов к основательной ревизии старых теорий. Несмотря на определенное затишье в сфере большой политики относительно всего, что связано с крайне правыми, на страницах немногочисленных журналов ведутся достаточно напряженные и далекие от какого-либо популизма дискуссии.

Мы постарались представить достаточно ограниченный спектр наиболее известных влиятельных авторов. Как мы сможем убедиться, большинство «новых правых» интеллектуалов по различным причинам критически относятся к существующей пространственной организации Европы, при этом новое структурирование европейского пространства рассматривается как главная возможность преодоления кризиса Старого света.

I. Юлиус Эвола: пространство традиции

Юлиус (Джулио Чезаре Андреа) Эвола (1898—1974) был итальянским мыслителем, творчество которого вряд ли оставило равнодуш-

ным кого-нибудь из идеологов правого толка. Часть их посвящали ему свои работы, часть — говорили о значительном влиянии, которое оказал на них этот философ, многие и вовсе утверждали, что являются едва ли не самыми ревностными продолжателями его дела.

Эвола видел в союзе континентальной Европы единственную возможность в планетарном масштабе противостоять ценностям современного мира, которые, по его мнению, нашли свое концентрированное воплощение в социалистическом Востоке (прежде всего СССР) и буржуазном Западе и являются полной противоположностью ценностям традиционным. При этом под «Европой» Эвола понимал географическое пространство европейского континента, за исключением территорий, которые оказались за «железным занавесом». Культура и общество в концепциях итальянского идеолога крайне правых интерпретируются как традиционное, «если последние руководствуются принципами, превосходящими просто человеческий и индивидуальный уровень; если все общественные сферы образованы влиянием свыше, подчинены этому влиянию и ориентированы на высший мир» (Эвола, 2005: 6).

В целом, Эвола был противником фетишизации родственных / кровных уз («биологического кретинизма» в его терминологии), гораздо

больше уделяя внимания политическому и социальному единству народов, которое возникает на базе «Идеи»¹. При этом Эвола достаточно критически воспринимал модерную концепцию «нации» и национальной идентичности. «Нация» в современном понимании этого слова стоит для него достаточно далеко от «реальность традиционного мира» и гораздо более тесно связана с «концепциями, которые появились на свет и завоевали признание именно вследствие разрушения этого мира, то есть обязаны своим возникновением, прежде всего, революции третьего сословия» (Эвола, 2005: 368).

В традиционном мире, который концептуализирует Эвола, «нация воспринималась как своего рода первоматерия, иерархически упорядоченная и подчиненная высшему принципу политической верховной власти. В большинстве случаев первичным элементом считался именно этот вышестоящий принцип, а нация оценивалась как вторичный и производный элемент, поскольку единство языка, территории, «естественных границ», относительная этническая однородность, образующаяся в результате противоборства или смешения разных кровей, были не изначальной данностью, но, как правило, возникали в результате многовекового процесса формирования, обусловленного наличием некоего политического центра и соответствующего политического класса, связанного с этим центром феодальными узами верности» (Эвола, 2005: 369).

Исходя из подобной позиции, Эвола выдвигает к будущей политической организации европейского пространства жесткие идеологические требования, при этом основной акцент был сделан на качественных, а не количественных характеристиках политической консолидации. Он видит ценность тех или иных союзов, способных лечь в основу новой организации европейского пространства исключительно исходя из идеологической близости и ориентации на традицию. В данной модели, в отличие от многих современных концепций, в частности Г. Файя,

объединение, построенное исключительно по биологическому критерию, не имеет никакого смысла.

При отсутствии некоей единой объединяющей Идеи не существует способа, с помощью которого можно объединить континент в Империю. В частности, экономическая подоплека сближения европейских государств также не является выходом: «Федерации, таможенные союзы и иные экономические меры не могут образовывать решения; единство должно возникнуть из внутреннего императива: императив, который должен быть осуществлен, даже если кажется экономически невыгодным, так как в новую эру экономические критерии не могут больше рассматриваться как решающий фактор» (Evola. Spiritual...).

В какой-то мере вступая в полемику со своим современником Жаном Тириаром, Эвола пишет: «Некоторые утверждают, что проблеме единого четкого мировоззрения следует отложить на более позднее время, поскольку сейчас важнее не конкретные «идеологические взгляды» сторонников европейского единства, но их готовность к созданию «общеевропейской партии» и отказ от сотрудничества с неевропейскими силами. Однако подобное отношение равнозначно безыдейному и бесхребетному иррациональному активизму, поскольку в этом случае даже при удачном решении практической задачи по созданию европейского блока последний неизбежно будут сотрясать расколы и противоречия. Мы настаиваем на том, что такая единая Европа, то есть созданная без предварительной реализации указанного нами условия, необходимого для образования органической, а не просто «объединяющей» структуры, не может стать носителем особой идеи» (Эвола, 2007: 254).

Здесь под «идеями» подразумевается принятие основных постулатов традиционалистической доктрины, центральное место в которой, собственно, и занимает «традиция» как «передача»

¹ «Политический уровень как таковой превосходит тот уровень, на котором возникают такие общие натуралистические понятия, как нация, родина и народ. На высшем уровне объединяет и разделяет идея, носителем которой является элита, реализация же ее происходит посредством Государств»; «Наша истинная родина в Идее. Объединяет не земля или язык, но общая идея. Это основа, точка отсчета. Коллективистскому единству нации — des enfants de la patrie, — рожденному якобинской революцией, мы противопоставляем идею Ордена, объединяющего людей, верных принципам, свидетелей высшего авторитета и высшего закона, рожденных Идеей. Добиваясь в практических целях новой национальной солидарности, нельзя идти на компромисс; единство должно быть создано и определено на основе Идеи — как политической идеи и мировоззрения» (Эвола Ю. Люди и Руины // Ориентация. Москва, 2007, с. 439).

(traditio) от поколения к поколению «присутствия» «традиционной» природы (Evola. Action...). При этом следует уточнить важную деталь. По мнению Ю. Эвола, подлинный традиционный дух признает высшее, метафизическое единство по ту сторону отдельных религиозных традиций, представляющих собой различные исторически обусловленные и до той или иной степени «ортодоксальные» формы этого единства. Непонимание того, что исключительность какой-либо религии может признаваться лишь в особых случаях, «ведет к раскольническому атомизму и, следовательно, к релятивизму, что подрывает основы авторитета каждой отдельной религиозной традиции» (Эвола, 2007: 146). Говоря о европейской традиции, Эвола чаще всего определяет ее как «нордическую», включающую в себя представления о высшей реальности, исторически связанные с индоевропейской культурой или же испытавшие ее сильное влияние (см. «Языческий традиционализм»). Однако на позднем этапе своего творчества он стал меньше обращаться к понятию «нордический», при этом все чаще ссылаясь на восточную религиозную философию.

Дабы не сформировалась неверная позиция по данному вопросу, стоит отметить, что в понимании Эвола «европейский блок» не может рассматриваться как блок партий, так как последнее тесно связано с «современностью»: «Понятие “партия” принадлежит парламентской демократии и означает объединение, защищающее данную идеологию в противовес другим идеологиям, отстаиваемым другими группами, за которыми система признает равные право и законность» (Эвола, 2007: 77). К современной демократии Эвола также относится достаточно критически: «Любая демократия в самой своей основе всегда является школой безнравственности, оскорбляющей достоинство и внутреннюю выдержку, характерные для представителей истинного политического класса» (Эвола, 2007: 42).

В противовес партии он выдвигает концепцию организации по принципу ордена. К ключевым понятиям в подобном образовании можно отнести жесткую дисциплину, аскетизм, иерархию. В статье «Орден Железного Венца» Ю. Эвола пытается набросать очертания одноименного проекта: «Люди Ордена должны, прежде всего, жить, свидетельствуя ценности чистого

Духа — понимаемого как трансцендентная реальность, стоящая выше всяких человеческих ценностей, любых натуралистических, «социальных» и «индивидуальных» связей, — защищая и утверждая их в надлежащих формах»; «Люди Ордена противостоят любому панибратству, всякому стремлению к власти посредством низших сил и любому представлению о высоком социальном положении, выраженному в деньгах и благосостоянии. Задачей людей Ордена является утверждение превосходства героических, аристократических и традиционных духовных ценностей наперекор практическому материализму, мелочному имморализму и утилитаризму нашего времени» (Эвола. Орден...). Таким образом, утверждение «традиции» — значит утверждение традиционных институтов, структура и свойства которых радикально противопоставляли себя современным политическим институтам.

Прописывая традиционалистское пространство Европы, Ю. Эвола не считает целесообразным и необходимым отказ от национальных идентичностей во имя реализации идеи Европейского Блока. Его модель — «не роспуск наций в единственную нацию, в своего рода социально однородную европейскую субстанцию, но иерархическая интеграция каждой нации» с сохранением «их естественной индивидуальности и формы» (Evola. Spiritual...).

Далее мы позволим себе ряд цитат, более подробно раскрывающих особенности политической и пространственной организации Европы в концепциях Эвола. «В единой Европе, безусловно, могут сохраняться отечества и нации (этнические общности отчасти признаются даже в тоталитарном СССР). Но следует решительно отказаться от национализма (с его чудовищным довеском в виде империализма) и шовинизма, то есть от всякой фанатичной абсолютизации частного единства. Поэтому с точки зрения доктрины правильнее использовать понятие Империи, а не “европейской нации” или “европейского отечества”. Необходимо пробудить в европейских чувства высшего порядка, качественно отличного от простого “национального”, ибо оно коренится в иных слоях человеческого существа» (Эвола, 2007: 247).

«Предварительно каждая отдельная нация должна достичь устойчивого един-

ства на иерархической основе безо всяких примесей националистического *hibris* (того, что Вико называл “национальным тщеславием”), каковое почти неизбежно сопряжено с демагогией и коллективизмом, и лишь затем может пробудиться стремление к высшему единству, превосходящему рамки отдельных национальных территорий» (Эвола, 2007: 249).

«Итак, началом европейского объединения должен стать процесс двойной интеграции. С одной стороны, необходима национальная интеграция, реализуемая путем признания принципа авторитета в качестве основы для органического, анти-индивидуалистического и корпоративного формирования отдельных национальных общественно-политических сил; с другой — наднациональная европейская интеграция, реализуемая путем признания принципа верховной власти, должной настолько превышать власть, присущую отдельным государствам, чтобы ей подчинялись все входящие в них индивиды. В другом случае даже не имеет смысла говорить об органически единой Европе» (Эвола, 2007: 250).

«Трансцендентное качество Империи дает ей право налагать ограничения на суверенитет отдельных европейских государств перед лицом имперского “суверенного европейского права”. Империя строится как “организм, состоящий из организмов”, или, если угодно, имеет федеральное устройство» (Эвола, 2007: 248).

Традиционалистическая позиция Ю. Эволы предопределяет характер и особенности практически всех предлагаемых им политических проектов, в том числе государственное и административное устройство единой Европы. «Однако последнее (европейское единство. — прим. автора) неизбежно окажется непрочным, если будет опираться на нечто типа международного парламента, не обладающего единым высшим авторитетом и состоящего из представителей различных политических режимов демократического типа, вынужденных подчиняться желаниям большинства» (Эвола, 2007: 249).

По мнению итальянского традиционалиста, во главе подобной Империи должен стать «Государь», который не связан законом. Ссылаясь на Аристотеля, он утверждает, что тот, кто воп-

лощает собой закон, сам не подчиняется закону (Эвола, 2007: 31). Однако стоит заметить, что конструкция, которую венчает Император, будет жизнеспособна исключительно при наличии общей идеологической и ценностной основы. Это должно быть «свободное, органическое и мужественное европейское единство, действительно свободное от всех уравнилельных, либеральных, демократических, шовинистических и коллективистских идеологий» (Evola. Spiritual...). При этом главными факторами, препятствующими осуществлению подлинной европейской идеи, является «глубокий кризис принципа авторитета и идеи государства». И конечно, как становится понятно из содержания философии Ю. Эволы, душа европейского наднационального блока должна иметь сакральную основу.

Но сам Ю. Эвола не рассчитывает на реализацию своего проекта в не столь отдаленном будущем, что находит отражение в следующей лаконичной фразе: «Наднациональное единство с позитивными и органическими чертами невозможно в период “Zivilisation” (термин Шпенглера. — прим. автора)» (Evola. Spiritual...).

II. Ален де Бенуа: «Европа тысячи флагов»

Родился Ален де Бенуа в 1943 году, получил юридическое, философское и теологическое образование, стал основным идеологом, своеобразной визитной карточкой GRECE (Groupe de Recherches et d'Etudes sur la Civilisation Européenne — Группа по исследованию и изучению европейской цивилизации), которая была первым и основным генератором идей «новых правых» (А. де Бенуа — ее бессменный лидер). Пик деятельности GRECE наблюдался в 70 — начале 80-х годов прошлого столетия.

Ален де Бенуа является одним из немногих «новых правых», для кого «основной закон» геополитики и другие принципы, разработанные в рамках этой дисциплины (особенно в ее довоенном русле), остаются актуальными и по сей день, что прослеживается в его концептуализации европейского политического пространства. «Как еще буквально вчера гегемония Англии, так и сегодня американская гегемония основывается на общемировом верховенстве над морским пространством, продолженном

верховенством в воздушном пространстве, и также на отсутствии единого евроазиатского пространства. Прежние разногласия, но которые выражаются отныне в более сильных различиях. Америка, которая пришла на смену английскому могуществу. Вся Европа находится в положении, недавно доставшемся Германии. В то же время наблюдается появление “Большой Игры”, которая еще вчера противопоставлялась Англии и России и чьи основные игроки населяют Центральную Азию, Месопотамию, Иран и Афганистан» (Benoist. Geopolitique..).

К числу оговоренных выше «других принципов» можно отнести организацию евразийского пространства через построения оси, связывающей одни и те же государства (столицы): «Она (геополитика. — прим. автора) помогает рассуждать в рамках не стран, а континентов. Море против Земли, сегодня это США против “остального мира”, и прежде всего против континентального европейского блока. Ось Мадрид — Париж — Берлин — Москва приобретает в этой перспективе всю свою значимость». Однако в целом А. де Бенуа не свойственна абсолютизация географических факторов. Для него всегда остаются десятки различных факторов, не связанных с географией, которые способны несколько поколебать континентальную логику.

У А. де Бенуа достаточно подробная концепция будущего устройства Европы, которая получила определенное распространение в политической сфере. В частности, широкую известность в 1980-х годах получила концепция «Европы ста флагов», которая предусматривала в рамках единой европейской Империи широкую свободу, автономию этнических групп и отдельных регионов: «“Европа государств”, “Европа стран” или “Европа наций” — удобные формулировки, чтобы скрыть фундаментальный отказ от Европы». А. де Бенуа констатирует упадок государств-наций в современном мире, их неадекватность вызовам времени и необходимость выхода на первый план локальных сообществ и континентов: «Я уже говорил о том, что государства-нации становятся все менее способными посмотреть в лицо актуальным проблемам, так как они отныне слишком громоздки, чтобы решать повседневные трудности, и слишком малы, чтобы контролировать самими глобальные ситуации.

Данное положение определяет необходимость реорганизации народов и наций в масштабах больших цивилизационных объединений и объединений континентов».

В пространственной организации Европы А. де Бенуа центральное место отводит региональному (местному) самоуправлению, локальным традициям — всему, что связано с относительно малыми социальными группами: «Упадок государств-наций высвобождает энергию в самом ее основании. Он создает возможности для локального действия и в то же время возрождения политического аспекта из социального»; «Намного более важным является создание автономных сообществ, организованных по принципу локальности на основе общих целей и разделяемых ценностей» (Benoist. Geopolitique..).

Что касается конкретных форм политической организации в рисуемом А. де Бенуа проекте, то здесь акценты делаются на понятиях «федерализм» и «Империя». Последняя, по убеждению французского философа, «на сегодняшний день является единственной альтернативной моделью, которую Европа смогла провозвести перед лицом идеи национальных государств».

В противовес резко критикуемой якобинской модели построения государства, как уже упоминалось выше, противопоставляется модель федеральная: «Для своего существования Европа нуждается в политическом единстве. Но это политическое единство не может конструироваться согласно якобинской национальной модели, под угрозой исчезновения богатства и разнообразия всех составляющих Европы, как не может происходить только из экономической наднациональности, о которой мечтают технократы Брюсселя. Европа может возникнуть только из федеральной модели, имеющей идею, проект, принцип, т. е. в окончательном анализе из имперской модели» (Benoist. L’idée..).

Следует отметить, несмотря на то, что А. де Бенуа, говоря об Империи, Идеи, в своих статьях цитирует Ю. Эволу, в их взглядах на становление континентального единства имеются значительные отличия. Наиболее актуальным сегодня является расхождение по поводу социальной группы, которая будет призвана вершить изменения. А. де Бенуа делает акцент на локальное

действие, на «простой народ», который непосредственно заинтересован в переменах по сценарию, обозначенному А. де Бенуа. Позиция итальянского философа по отношению к массам в данном вопросе менее оптимистична: *«Истинная задача и необходимое условие для возрождения “нации”, обретения ее формы и сознания состоят в том, чтобы выявить и отделить то, что обладает лишь мнимым единством во всеобщем смешении, а затем вычленить ядро мужской субстанции в виде политической элиты, вокруг которого должна начаться новая кристаллизация».*

Единственное, что смущает большинство потенциальных союзников А. де Бенуа «справа», это то, что вместе с правом на отличие даже для весьма реликтовых европейских этнических групп подобное право на европейской территории получают и представители неевропейских национальностей и не белой расы. Подобный этноплюрализм в самых резких тонах отвергают его как бывший соратник по GRECE Гийом Фай, так и один из влиятельнейших идеологов «новых правых», лидер «Европейских Синергий» Роберт Стойкерс. Так, последний пишет: *«Империя, созданная из множественности, из различий, не имеет ничего общего с обманчивым мультикультурализмом, превознесенным СМИ сегодня»* (Steuckers).

III. Гийом Фай: пространство этноса и расы

Стойкерсу вторит Г. Фай¹, выступающий *«против принципа этноплюралистической объединенной Европы, включая Ислам. Но за Европу этноцентрическую, взаимодействующую с Россией и основанную на политике могущества»* (Interview Guillaume Faye). *«Само понятие Империи лишено смысла без минимальной степени однородности ее населения, что предполагает отказ от этноплюрализма и от слишком сильного смешения разных народов»* (Фай).

Подобные воззрения Г. Фая на организацию европейского пространства были объединены в концепции «Евросибири»: идея создания на пространстве Европы и Азии союза, объединяющего государства с населением, принадлежащим

преимущественно к белой расе. Пространственная организация его политического проекта выглядит как «этноцентрическая и автоцентрическая Евросибирь», глобальный союз полуостровной и центральной Европы, а также России. От Бретани до Берингова пролива. *«Суть идеи в образовании конфедеративной Империи этнически однородной и экономически независимой, автаркической»* (Faye. Le nouveau...).

Необходимо отметить, что введение подобного термина неслучайно и вызвано необходимостью дистанцироваться от евразийства. Краеугольным камнем и принципом выделения Евросибири как региона является расселение белой расы (социальная и демографическая основа нового единства). Евразийцев, преподносящих этот фактор как вторичный, Г. Фай и его единомышленники записали едва ли не в число своих личных врагов. Это обстоятельство стало решающим фактором, который предопределил конструирование нового понятия: *«Мы вступаем в мир, где бывшее историческое и национальное соперничество между всеми этими народами (белой расы) должно быть диалектически преодолено и заменено глобальным союзом; потому что мы собираемся противостоять общим угрозам, имеющим громадный размах против нашей идентичности и нашего существования»* (Faye. Le nouveau...).

Для описания критического положения Г. Фай не жалеет выражений и описывает происходящее в самых мрачных тонах: *«Европа в состоянии войны, но не знает об этом... Она захвачена и колонизирована народами с Юга и экономически, стратегически и культурно подчинена Новому Мировому Порядку Америки...»* (Faye. Ten...).

После столкновений преимущественно иммигрантской молодежи и стражей правопорядка, имевших место во Франции, он писал: *«Этническая война началась... делинквентное поведение африканской молодежи с Магриба — также средства завоевания территорий и изгнания Европейца в глубь французской государственной территории»* (Faye. Ethnic...).

В целом, Г. Фая можно отнести к той группе

¹ Гийом Фай родился во французской глубинке в 1949 году, получил гуманитарное образование. Начинал вместе с А. де Бенуа в момент рождения GRECE, где, по свидетельству современников, был вторым человеком после лидера.

ультраправых идеологов, которые выступают за преодоление национальной разобщенности на просторах Европы (включая Россию) во имя «сохранения белой расы», при этом не оставляющих за географией определяющего значения. По их мнению, на смену геополитике должна прийти этнополитика, которая наиболее полно отвечает реалиям дня сегодняшнего, той ситуации, в которой оказались коренные народы Европы: *«Я хотел бы настоять на двух понятиях: прежде всего, на понятии этнополитики. “Геополитика” берет в расчет только географические факторы. Но новая планета, которая появляется перед нами, будет планетой, состоящей из блоков народов и цивилизаций в борьбе за выживание одних против других, а не планетой человеческой гармонии, “Всемирного государства” со смешанной человеческой расой, детским расширением американского “плавильного котла”, с несущественным соперничеством между государствами»* (Faue. Le nouveau...).

В подобном ключе в одном из своих манифестов делает вывод и К. Хоффмайстер: *«Континенты вторичны. Раса — решающий фактор, который должен влиять на политику и колонизацию. Если белая раса сможет преодолеть свой внутренний распад, объединится в единое целое, тогда она сможет начать глядеть через океаны и бесконечный космос. Это означает, что массивы суши, перед которыми преклоняются геополитики, потеряют свой исконный статус»* (Хоффмайстер). Отметим, что этот молодой немецкий публицист цитируется нами не как крупный ученый и специалист, а прежде всего как выразитель мнения обсуждаемой группы идеологов.

Создание глобального блока на расовой основе, однако, не предусматривает нивелирование этнических и национальных различий. В этом отношении Г. Фай все же унаследовал позицию, отстаиваемую «новыми правыми» с момента зарождения движения: *«Евросибирь должна основываться на принципе “разделения народов”. Каждый у себя и в добрососедских отношениях, по возможности. Экономическая модель, полностью отличающаяся от идеи глобализации и современного свободного общепланетарного рынка, исходит из принципа, что каждое пространство цивилизации должно быть самообес-*

печиваемым». Он также предлагает дать *«каждой группе народов свою экономическую, политическую, этническую модель»* (Faue. Le nouveau...).

Тем не менее, Г. Фай всячески подчеркивает то, что делает его непримиримым врагом А. де Бенуа. В его проекте нет места представителям неиндоевропейских народов (хотя финны, эстонцы, баски и венгры все же признаются как неотъемлемая часть континента), некоренным жителям Евросибири: *«Само понятие Империи лишено смысла без минимальной степени однородности ее населения, что предполагает отказ от этноплюрализма и от слишком сильного смешения разных народов»*.

Одновременно с Евросибирью, автор выдвигает другую концепцию, — концепцию Севера. Это новая форма взаимоотношений, своеобразный союз *«всех белых народов европейского происхождения, сосредоточенных в Северном полушарии, в Северной Америке, Европе и в Российской Федерации с двумя важными ответвлениями на юг — Аргентиной и Австралией»*. В рамках подобного подхода Г. Фай утверждает, что *«сверх Евросибири нужно предусматривать союз между ней и всеми белыми народами европейского происхождения в XXI веке, которые живут на американском континенте и в другом месте»* (Фай).

Концепция Севера в полной мере оголяет расовую основу проекта Г. Фая (которую не особо скрывает) и полное пренебрежение к постулатам геополитики. Так, он утверждает, что *«всемирная солидарность народов европейского происхождения в XXI веке будет сильнее геополитического соперничества между белыми»* (Фай).

Между тем, заимствуя риторику из классической геополитики, Г. Фай настаивает, что начало подобному объединению должна положить ось Париж — Берлин — Москва. Касательно последней, французского философа можно смело причислить к тем ультраправым, которые видят в России необходимого союзника, без которого их планам построения Европейской Империи вряд ли суждено сбыться. По его мнению, Россия даже могла бы быть *«в центре такого объединения, которое было бы наиболее могущественным и внушительным на всей планете»*. Следует понять, что для него, по его же словам, союз с Россией — это главная на се-

годняшний момент цель (вероятно, имеется в виду «цель стратегическая»)¹.

При всем этом, как и большинство обсуждаемых в рамках данной статьи мыслителей, Г. Фай избегает подробностей, касающихся внутреннего устройства будущего государства: *«Но как определить Евросибирь? Сегодня невозможно уточнить ее институциональные границы. Как любой масштабный исторический проект, он начинается всегда с мобилизующей идеи нескольких сознающих (сознательных) меньшинств. Речь пойдет очевидно о громадной Конфедерации или о едином Государстве (с отличием в том, от кого она будет происходить), над которым солнце никогда не зайдет. Речь пойдет о разрыве с узко эгоистичной и предрасположенной к самоубийству логикой “Государств-Наций”, которая разделила европейские народы и, может быть, вдохновилась британским федерализмом»* (Faye. Le nouveau...).

Из наиболее важных тезисов, сближающих позиции послевоенных правых, можно назвать негативное отношение к США и ко всему, что с ними связано: культуре, экономической модели, господствующим ценностям. Однако это не обозначает возможность формирования своеобразного единого антиамериканского фронта со стороны крайне правых, возможность увязать позиции различных авторов в рамках одной доктрины. Едва ли не все идеологии «новых пра-

вых» аргументируют подобную политическую позицию исходя из принципиально различных идеологических конструкций. Кроме того, такая шаткая коалиция может быть легко разрушена постановкой вопроса о выборе потенциальных союзников.

Юлиус Эвола видел союзников лишь там, где еще сохранялись очаги традиционного мировоззрения. В частности, в конце жизни он особенно часто стал обращаться к восточному, в частности китайскому, религиозному и философскому наследию. Однако стоит отметить крайне негативное отношение части новых правых к Китаю.

Некоторые правые радикалы (К. Террачано) демонстрируют симпатии к исламу, находя в нем верного и исключительно важного союзника (Террачано). Г. Фай, в свою очередь, при сдержанном отношении к Китаю как к потенциальному конкуренту, крайне негативно относится к исламу и ко всему, что связано с третьим миром: *«Те, кто пытается опереться на третий мир и ислам в борьбе против американского империализма, скатываются по наклонной плоскости к самоубийству, а атлантисты, которые воображают, будто американская “мощь” защитит мифический “Запад” от джихада, впадают в сходную ошибку»* (Фай). Это, естественно, находится в прямом противоречии с тезисами, которые отстаиваются в одном из наиболее известных трудов А. де Бенуа «Третий мир — общая борьба».

Литература

1. Террачано К. Америка — это смерть. Евразия — это путь и жизнь... <http://zvezda.ru/article.php?area=1&id=30&sub=9>
2. Фай Г. Всемирный переворот. <http://www.velesova-sloboda.org/geo/guillaume-faye-worldwide-coup-ru.html>
3. Хоффмайстер К. фон. Воля нашей крови. <http://www.ateney.ru/Hoffmeister.htm>
4. Эвола Ю. Люди и Руины. — Москва, 2007.
5. Эвола Ю. Орден Железного Венца. <http://rhl.white-society.org/articles/wreath.htm>
6. Эвола Ю. Оседлать тигра. — С.-Петербург, 2005.
7. Benoist A. de. Geopolitique. <http://www.alaindebenoist.com/pdf/geopolitique.pdf>
8. Benoist A. de. Europe et mondialisation. http://www.alaindebenoist.com/pdf/europe__et__mondialisation.pdf
9. Benoist A. de. L'idee D'empire. http://www.alaindebenoist.com/pdf/l__idee__d__empire.pdf
10. Faye G. Le nouveau concept d' «EuroSiberie». <http://www.ateney.ru/frans/fr018.htm>
11. Faye G. Ethnic civil wars in Europe. <http://www.mesogaia-sarmatia.narod.ru/faye05.htm>
12. Faye G. Ten Untimely Ideas. <http://www.nationalvanguard.org/story.php?id=7227>
13. Evola J. Action, Contemplation and the Western Tradition. http://thompkins__cariou.tripod.com/id18.html
14. Evola J. Spiritual and Structural Presuppositions of the European Union. http://thompkins__cariou.tripod.com/id54.html
15. Interview Guillaume Faye. <http://www.les-identitaires.com/Jr22/faye.html>
16. Steuckers R. Geopolitique et spiritualite du principe «Reich». <http://www.centrostudilaruna.it/steuckersreichfr.html>
17. <http://www.ateney.ru/frans/fr018.htm>

¹ <http://www.ateney.ru/frans/fr018.htm>